На правах рукописи

Миловский Николай Михайлович

Отечественная историография русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Мытищи – 2022

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего образования Московской области Московском государственном областном университете на кафедре истории России средних веков и нового времени, факультета истории политологии и права.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Багдасарян Вардан Эрнестович

Официальные оппоненты:

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», кафедра источниковедения исторического факультета, профессор;

Золотарёв Владимир Антонович, доктор исторических наук, профессор, пенсионер.

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет».

Защита состоится «15» февраля 2023 г. в 14 ч. 00 м. на заседании диссертационного совета 72.2.020.02 по историческим наукам на базе Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета по адресу: 105005, ул. Фридриха Энгельса, д.21 а, ауд. 305

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГОУ по адресу: 105005, Москва, ул. Радио д. 10А, а также на сайте: http://mgou.ru

Автореферат разослан «___» декабря 2022 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета 72.2.020.02,
кандидат исторических наук, доцент Я.В. Соловьев

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется как особенностями современной внешнеполитической ситуации, так и уровнем взаимоотношений России с такими странами, как Турция и Польша, который характеризуется в настоящее время как напряженный. Это объясняется особенностями исторического развития стран, их политическими традициями, национальной и религиозной ментальностью, а также позицией ряда государств, заинтересованных в сохранении напряженности между Россией и ее соседями. Все это сказывается на том, что и сегодня приходится решать проявившиеся более 300 лет назад такие проблемы, как территории, границы, отношение к религиозным деноминациям. Стремление не допустить эскалации напряженности требует не только изучения традиций, ментальности, религиозных особенностей, но и знания исторического прошлого.

В исторических ракурсах взаимоотношений России, Польши и Турции особое место занимает русско-турецкая война 1768–1774 гг., которую многие исследователи называют еще и «русско-польской войной»[1]. Во время этой войны решались вопросы геополитической безопасности России на южных, юго-западных и западных рубежах. Обобщение результатов исторических исследований, посвященных событиям 1768–1774 гг. приобретают сегодня особенное значение, т.к. важно изучить накопленные знания об особенностях внешней политики в условиях войны, профессионализма государственного и военного истеблишмента, консолидации общественных сил в условиях внешней и внутренней социальной нестабильности.

Объект исследования – предпринятые с начала XIX в. по настоящее время научные исследования, посвященные истории русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в целом и ее частным аспектам.

Предмет исследования - изучение процесса накопления знаний и глубины научной разработанности в отечественной историографии вопросов русско-турецкой войны 1768-1774 гг.

Хронологические рамки исследования. Нижняя граница: 1768–1774 гг. В этот период научные исследования военных действий не предпринимались, но участники событий пытались осмыслить их в исторической ретроспективе. Верхняя граница: 2020-е гг., т.к. исследования, посвященные войне 1768–1774 гг. продолжаются осуществляться.

Степень разработанности темы. Специальных научных работ, касающихся именно *историографии* русско-турецкой войны 1768–1774 гг., нет. Первые шаги исторического осмысления событий 1768–1774 гг. предпринимались военачальниками и дипломатами. Их реляции, «записки», эпистолярии представляют интерес и с точки зрения историографии[2].

Традиционно в историографии выделяются дореволюционный, советский, постсоветский этапы.

Дореволюционный этап делится на ряд стадий. Первая – до Крымской войны 1853–1856 гг. Работы, посвященные изучению причин, последствий и самого хода войны 1768–1774 гг., появились спустя почти 50 лет после ее окончания – в 1820-х гг. Объясняется

---

[1] Юсупов Р.Р. Внешнеполитические планы польского господствующего класса в годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1978. С. 200.
[2] См.: Румянцев Петр Александрович. Документы. М., 1953. Т. 1-2; 1959. Т. 3; и др.

подобная ситуация объективными и субъективными причинами. Среди первых – накопление и осмысление материала; среди вторых – политические соображения: в конце XVIII – начале XIX вв. Россия и Турция выступали союзниками в борьбе против революционной Франции. В центре внимания авторов работ 1820-х – начала 1850-х гг. находилось царствование Екатерины II и ее внешняя политика, русско-турецкие войны XVIII в., биографии полководцев, русский флот[3]. Говорить о каких-либо историографических тенденциях не приходится. Акцент в работах 1820-х – первой половине 1850-х гг. делался на военную составляющую.

Вторая стадия дореволюционного этапа – начало Крымской войны 1853–1856 гг. и следующее за ней 20-летие. Крымская война – определенный исследовательский водораздел: «поствоенный синдром» способствовал появлению ряда исследовательских тенденций – поиску причин неудач в очередной войне за Крымский полуостров и Черное море[4]. Особое место в исследованиях занимает 5-томная работа А.Н.Петрова[5]. которая конечно носит описательный характер. Именно это послужило основанием для ее критики. По мнению историков, А.Н.Петров рассматривал войну 1768–1774 гг. без учета политических и социальных особенностей времени[6]. По нашему мнению, работа А.Н.Петрова до сих пор остается одним из самых важнейших источников для исследования войны 1768–1774 гг.

Заключительная стадия дореволюционного этапа историографии – с начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до революции 1917 г. Применительно к исследованиям этой стадии можно говорить об утверждении государственно-патриотических тенденций, которые обосновывались независимой внешней политикой Екатерины II, необходимостью укрепления южных границ, защиты единоверцев[7].

В целом, на дореволюционном этапе отечественной историографии война 1768–1774 гг. рассматривалась скорее как составная часть русско-турецких войн вообще и внимание на ней акцентировали благодаря тому, что она была первой победной после серии неудач в противостоянии с Турцией[8].

Начало *советского* этапа историографии войны 1768-1774 гг. приходится на 1920-е гг. и характеризуется превалированием идей М.Н.Покровского, который считал, что сделать ставку на хлеб, как на основу русской торговли можно было только завоевав Черное море. И это произошло благодаря Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Однако

---

[3] См.: Лефорт А.А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. Ч. 3. Кн. 5. М., 1837; Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829. Ч. 1–2; Глотов А.Я. Чесменский бой // Отечественные записки. 1820. № 6; Богданович М.И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. СПб., 1852; Соколов А.П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Зап. Гидрограф. Деп-та Морского мин-ва. СПб., 1849. Ч. 7.

[4] Лебедев П. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1865.

[5] Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 1. (1769); Т. 2. (1770); СПб., 1874. Т. 3. (1771); Т. 4. (1772–1773 гг.); Т. 5. (1774).

[6] Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А.Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М., 1951. С. 19; Поляков В.Л. Русский флот в первой турецкой войне 1768–1774 гг.: автореф. дисс …к.и.н. Л., 1955. С. 5–6.

[7] Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885; Новиков Н.В. Первая русско-турецкая война // История русской армии. М., 1912. Т. 8; Добров Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879; Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб.:, 1888; Аренс Е. История русского флота. Екатерининский период. СПб., 1897.

[8] Белов Е. Результаты войн России с Турцией // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2; Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883.

М.Н.Покровский был убежден в том, что экономическими результатами мирного трактата воспользовались Великобритания и Франция, но не Россия[9]. А.Е.Мачанов попробовал применить схему М.Н.Покровского к противостоянию России и Турции за Крым. Автор считал, что с окончанием войны 1768–1774 гг., завершился период столкновений России с Турцией за Крым. «Но взятие Крыма еще не означало полной победы на Черном море». Для этого необходимо было выстроить взаимоотношения с мировыми державами, которые «к продвижению» России «к проливам относились … враждебно»[10].

Заметные изменения в историографии были связаны с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., которая требовала обращения к истории России, как победительницы в войнах XVIII–XIX вв. Этим можно объяснить как переиздание ряда дореволюционных работ[11], так и появление новых исследований[12]. Во второй половине 1940-х гг. появляются работы, в которых война 1768–1774 гг. представляет собой, скорее, фон для других сюжетов[13]. В самом конце 1940-х гг. интерес к военной истории, к биографиям полководцев, усиливается, что объясняется победой СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., началом «Холодной войны» и желанием доказать фактор преемственности традиций русских/советских людей.

Вышедшую в 1955 г. монографию Е.И.Дружининой[14] можно считать точкой отсчета новой стадии советской этапа отечественной историографии русско-турецкой войны, совпавшей с общественной оттепелью, процессом десталинизации в истории и с критикой научных схем М.Н.Покровского. По мнению исследователей, М.Н.Покровский был субъективен в оценках русско-турецких отношений. Его идеи о перманентном стремлении России взять под свой контроль Черноморские проливы, об обмане западноевропейских стран в вопросе целостности Турции не аргументировались документально, а выстраивались на идеологических подходах. Все это породило и субъективную оценку Кючук-Кайнарджийского договора, в статьях которого М.Н.Покровский усматривал исключительно «захватнический смысл»[15].

С уже ставшими традиционными исследовательскими темами[16] на этой стадии рассматривались и совершенно новые, которые требовали ввода в научный оборот оригинального документального материала и его осмысления («Пугачевщина» и война 1768–1774 гг., социально-экономический кризис Турции и его последствия, турецкая армия и флот и др.[17]). Но для этой стадии советского этапа в историографии войны 1768–

---

[9] Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 1911. Ч. 2. Гл. 11.

[10] Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929.С. 62–63.

[11] Головачев В.Ф. Чесма: Экспедиция русского флота в Архипелаг и Чесменское сражение. М.-Л., 1944.

[12] Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. М., 1945. Ч. 1–2; Дмитриев С.С. Чесменская победа. М., 1945; Базилевич К.В. О Черноморских проливах (Из истории вопроса). М., 1946.

[13] Кикодзе Г.Д. Ираклий Второй. Тбилиси, 1945; Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. // Уч. зап. СГУ. Саратов, 1947. Выпуск истор. Т. 17.

[14] Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.

[15] Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 18.

[16] Гендель Г.М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Уч. зап. ГГУ. Горький, 1957. Серия историко-филологическая. Вып. 43; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М., 1958; Синица В.И. Балканский вопрос в политике России (1768–1774 гг.): автореф. дисс …к.и.н. Минск, 1974.

[17] Андрущенко А.И. Пугачевское восстание и Кючук-Кайнарджийский мир // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в. М., 1969; Новичев А.Д. Турецкий источник о внутреннем положении Османской империи и причинах ее поражения в войне с Россией в 1768–1774 гг. // Вестник ЛГУ. 1975. История. № 8; и др.

1774 гг. было свойственно и исследовательское мелкотемье, а также отказ от рассмотрения важнейших для изучения темы аспектов (например, религиозных особенностей – одной из причин начала войны).

Последняя стадия советского этапа отечественной историографии - вторая половина 1980-х гг. – начало 1990-х гг. Выбор аспектов оставался традиционным[18]. Заметного научно-исследовательского движения вперед не было, но «традиционные» аспекты продолжали разрабатываться.

Постсоветский этап (1990-е гг. – 2020 гг.) условно можно подразделить на две стадии. Для начала 1990-х гг. - начала 2000 гг. было характерно обращение к таким аспектам, как геополитика, внешняя политика Екатерины II, дипломатия, армия и флот, Крым, Северный Кавказ[19]. Благодаря работам В.И.Шеремета, П.П.Черкасова, П.В.Стегния и др., вводились в научный оборот новые документальные материалы, извлеченные как из отечественных, так и из зарубежных архивов[20], выдвигались оригинальные гипотезы, и т.д. 2000-е гг. – 2020-е гг. отличались тем, что к уже разрабатываемым в 1990-е гг. аспектам[21], добавились новые: причины русско-турецкой войны, непосредственные военные действия, Польский вопрос, военная кампания в Грузии, балканские народы, последствия Кючук-Кайнарджийского договора[22]. Интерес – особенно в последнее двадцатилетие – к событиям 1768–1774 гг., объясняется, во-первых, восстановлением

---

[18] Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин: из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989 // URL: https://www.litmir.me/br/?b=130207&p=1; (дата обращения 15.1.2022); Якубова И. И. Политика России на Центральном Кавказе в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989; Ткач В. И. Организация центральных органов русско-молдавской администрации в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988**;** Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке: Черты структурного кризиса. М., 1991.

[19] Шеремет В.И. Империя в огне: сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994; Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война. 1768–1774 гг. // Новая и новейшая история. М., 1996. № 1.

[20] Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство: геополитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г.: дисс. ...к.и.н. М., 2013.

[21] Виноградов В.Н. Российская северная система и французский восточный барьер // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000; Шеремет В. Война 1768-1774 гг. в исторических судьбах Османской империи // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000; Стегний П. Хроники времен Екатерины II: 1729–1796 гг. М., 2001; Джахиева Э.Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774–1813 гг. Махачкала, 2006; Лебедев А.А. Рождение русского флота на Черном море: Создание и корабельный состав Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Новый часовой. СПб., 2006. № 17-18; Кидирниязов Д.С., Алиева У.М. Народы Северокавказского региона в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2007. Вып. 3; Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7; Рукавишников Е. Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9; Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2012. Т. 1; Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011; Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М., 2016.

[22] Виноградов В.Н. Война 1768–1774 гг. – неизбежная, но несвоевременная // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000; Зеленина Л.В., Шеремет В.И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 2000; Носов Б.В. Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764–1766 гг. // Славянские народы: Общность истории и культуры. М., 2000; Арш Г.Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I: очерки. М., 2013; Нагоев И.Б. Последствия Кючук-Кайнарджийского мирного договора для политического положения Кабарды // Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы. М., 2014; Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии…»: Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8 (736).

исторической справедливости - возвращением в Российскую Федерацию Крыма, изменением социально-политической ситуации на южных, западных и юго-западных границах России; во-вторых, поиском исторических параллелей, которые позволили бы объяснить существующие проблемы, те, которые корнями уходят в XVIII в. Именно в историческом прошлом идет поиск ответа на вопрос легитимности внешней политики России, адекватности территориальных претензий к ней со стороны государств-соседей и ответных мер.

Несмотря на ввод в научный оборот новых документальных материалов, большая часть из них нуждается в критическом осмыслении, до сих пор нет обобщающего труда по анализу всей совокупности работ по истории войны 1768–1774 гг. А имеющиеся в наличии научные исследования, в которых фигурируют попытки историографического анализа, не дают возможности в полном объеме оценить все аспекты, связанные с изучением событий 1768–1774 гг. Обобщающее исследование по историографии русско-турецкой войны необходимо, поскольку только благодаря этому труду появится возможность в комплексе отследить эволюцию научной мысли по узловым проблемам войны, внешней политики России второй половины XVIII в., по оценке организаторского потенциала российской государственной и военной элиты, а также подготовить рекомендации по выстраиванию отношений с такими странами, как Турция и Польша.

Цель исследования – осуществление всестороннего научного анализа отечественной историографии русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Задачи исследования:

– предложить и обосновать периодизацию отечественной историографии войны 1768–1774 гг.;

– выявить и мотивировать ведущие тенденции отечественной историографии войны 1768–1774 гг.;

– проанализировать факторы, оказавшие определяющее влияние на формирование отечественной историографии русско-турецкого противостояния;

– рассмотреть дискуссионные проблемы и обобщить вопросы интерпретации основных моментов войны 1768–1774 гг.;

– подтвердить или опровергнуть обобщения и выводы, представленные в рамках историографии заявленной темы;

– осуществить критический научный разбор гипотез, аргументаций, противоречий в изложении событий, обобщениях и оценках, представленных в российской историографии.

Источниковая база исследования. Специфика источниковой базы диссертационной работы заключается в том, что она представляет собой корпус историографических источников, которые содержат информацию об осмыслении исследователями данных и объективную оценку. Весь массив историографических источников можно подразделить на три группы:

Первая и основная - научная исследовательская литература: труды (статьи, монографии, обзоры, диссертации, авторефераты) отечественных историков, собиравших, анализировавших и обобщавших эмпирический материал, на основе которого предпринималась и осуществлялась разработка главнейших научно-теоретических проблем войны 1768-1774 гг.

Второй группой историографических источников выступают документальные публикации (в научно-исследовательских сборниках и журналах, изданиях эпистолярного

наследия, отдельными работами), которые демонстрируют процесс осмысления новых свидетельств, влияние их на историографический процесс, и дают возможность сравнить и сопоставить обобщения и выводы того или иного исследователя.

Третьей группой историографических источников выступают первичные материалы научно-исследовательских объединений и учреждений, научно-исследовательских форумов, в том числе и выходящие за хронологические границы диссертации, но дающие возможность углубленно и всесторонне рассмотреть важнейшие аспекты изучаемой темы. Материалы этих научных встреч и обсуждений предоставляют возможность охарактеризовать как инфраструктурные изменения, так и процесс концептуального переосмысления.

Методология и методы исследования. Автор стремился соблюсти принцип объективности, требующий учета всех исследовательских позиций, принцип комплектности, который подразумевает сравнительный анализ позиций, диалектический метод, который дает возможность всестороннего исследования объекта, историко-сравнительный метод, базирующийся на учете особенностей проблемно-хронологической ситуации, системный анализ, благодаря которому появляется возможность изучить все аспекты в комплексе, во взаимосвязи. Все исследовательские методы и принципы выступают как звенья одной исследовательской системы в изучении заданной темы.

Научная новизна исследования. Впервые в целом и многоаспектно изучена отечественная историография русско-турецкой войны 1768–1774 гг. за XIX – первое двадцатилетие XXI вв.

Проанализированы и сопоставлены позиции отечественных исследователей по узловым проблемам военных событий 1768–1774 гг., как с позиции внешнеполитической деятельности, так и с точки зрения военной стратегии и тактики.

Объяснены остающиеся до сих пор спорными в научной литературе проблемы, проявившиеся в ходе войны 1768–1774 гг., но не утратившие своей актуальности и в настоящее время – противостояние западноевропейского и российского политических интересов; Крым, его место и роль в стратегии безопасности России и ее южных границ; отношение между конфессиональными деноминациями и ряд др.

Положения, выносимые на защиту:

Обоснована оригинальная авторская концепция периодизация историографии русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Мотивировано положение о том, что при выделении трех традиционных историографических этапов, каждый из них вполне аргументировано подразделяется на стадии, наличие которых предопределено не только изменениями, происходящими в исследовательской среде, но и воздействием социально-политической обстановки, задачами, стоящими перед политической и интеллектуальной элитой.

Выявлены и доказаны важнейшие тенденции различных этапов отечественной историографии войны 1768–1774 гг. Доказана авторская гипотеза о том, что основополагающими в исследовательских оценках русско-турецких войн XVIII – начала XX вв. оставались государственно-патриотические приверженности. И даже в противоречивые для осмысления этапы отечественной историографии войны 1768–1774 гг., вопрос о критическом переосмыслении причин и хода последней не стоял. Попытки выстроить чисто субъективные исследовательские схемы не нашли своего развития.

Проанализированы факторы, оказавшие определяющее влияние на формирование отечественной историографии войны 1768–1774 гг. и подтверждено положение о том, что социально-политические и идеологические установки, предопределяющие вектор

развития всего государственного мировоззрения, не могли не сказаться и на исследованиях русско-турецких войн второй половины XVIII в.

Рассмотрены и обобщены дискуссионные проблемы, связанные с интерпретацией итогов и последствий войны 1768–1774 гг. Обосновано, что большинство спорных аспектов в исследованиях порождены не столько недостатком документального материала, сколько политически мотивированными позициями исследователей.

Представлен критический научный разбор предположений и аргументации, глобальных и частных противоречий в обобщениях, оценках, отдельных событий войны 1768–1774 гг. в отечественной историографии. Доказано, что предположения, выдвигаемые в научных трудах, даже порой противоречивые, способствовали поиску объективной оценки того или иного сложнейшего вопроса истории войны 1768–1774 гг.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что на основе анализа научных работ появляется возможность восполнить существующие лакуны в изучении как одной из русско-турецких войн XVIII в. в частности, так и всей внешнеполитической деятельности России в целом, а также появляется возможность использовать материалы в лекционных курсах по истории России XVIII в.

Научная апробация результатов исследования. Основные положения исследования заслушивались на конференции магистрантов (март 2022 г.), международной научной конференции «Наука на благо человечества – 2022» (апрель 2022 г.), а также были апробированы в виде 4 научных статей, изданных в журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии РФ.

Достоверность исследования подтверждается анализом, обобщением и осмыслением ранее опубликованных документальных материалов, научных монографий и статей. Достоверность диссертации подтверждается и верификацией выводов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении представлена актуальность тематики, очерчен объект, а также предмет диссертации, дана характеристика хронологических рамок, цели и задач исследования, проанализированы особенности базы источников, обоснованы методология и приемы работы с документальной базой и исследовательской литературой, научная новизна работы и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, представлены апробация и структура диссертации.

Первая глава «**Отечественная историография о предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768–1774 гг.»** посвящена рассмотрению позиций отечественных исследователей по проблемам предпосылок войны.

Первый параграф «Научные подходы и оценки социально-экономических и политических особенностей европейской действительности в 1760-х гг. и предпосылок войны» посвящен анализу и сопоставлению позиций исследователей по предыстории противостояния.

Принципиальных разногласий по поводу приведших к войне особенностей социально-экономического и политического развития в 1760-х гг. в исследовательской среде нет. Противостояние мировых держав считается едва ли не главным фактором, предопределившим события 1768–1774 гг. Этой точки зрения придерживались и

придерживаются представители всех историографических этапов[23]. Однако существовали и существуют многочисленные нюансы. По мнению Г.А.Гребенщиковой, в начале правления Екатерина II не помышляла о силовых методах решения проблем и рассчитывала на международное согласие[24]. И даже к 1768 г. Россия – на этом дореволюционные и современные исследователи акцентировали и акцентируют внимание – не стремилась решать силой глобальные международные проблемы, предпочитая им, конечно, тоже важные для страны, но иные задачи, в том числе и на южном направлении – желание закрепиться на Черноморском побережье, его социально-экономическое развитие, создание условий для морской торговли. Обеспечение независимости Крымского ханства от Турции несколько выбивалось из перечня задач, но должно было способствовать безопасности русских границ[25].

По мнению П.П.Черкасова, историческую предопределенность России к Черному морю нельзя объяснять агрессивными притязаниями. Речь шла о том, быть ли России «европейской державой, составной и полноправной частью Европы или продолжать пребывать на задворках континента». Сущность России как евразийского государства заключалась в «равномерном присутствии в ней двух начал», что соответственным образом ориентировала и внешнюю политику страны. В своем «продвижении» Россия испытывала противодействие, что зачастую оборачивалось военными конфликтами[26]. Исследователи считали, что в ходе событий 1768–1774 гг. внешнеполитическая программа России могла получить расширение, добавился пункт о покровительстве православному населению Турции[27]. По мнению П.П.Черкасова, защита православных христиан – идеологический аспект внешнеполитической деятельности России, который служил обоснованием ряда дипломатических демаршей[28].

Рост политических амбиций Екатерины II, интерес ее к примыкающим к России территориям, проявлялся, как считают исследователи, параллельно с ростом веры императрицы в особую историческую миссию русского народа. И Екатерина II считала возможным реализовывать данную миссию на внешнеполитической арене, даже если бы пришлось прибегнуть к силе оружия[29].

Такова позиция постсоветских исследователей, а историки 1940-х гг. акцентировали внимание на «обыденных особенностях» внешнеполитической деятельности Екатерины II, под которыми понимались текущие вопросы безопасности страны. Исследователи, придерживавшиеся этой идеи, обосновывали свою гипотезу следующим: в середине XVIII в. южные и юго-западные районы России являлись основными центрами производства товарного хлеба, что ставило вопрос о необходимости свободного выхода к Черному морю, поскольку морские сообщения оставались здесь единственной коммуникацией. В противном случае районы Причерноморья, Дона и Днепра были обречены на хозяйственный застой[30].

---

[23]См.: Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883; Тарле Е.В. Указ.соч. М., 1945. Ч. 1; Гребенщикова Г.А. Россия и Турция: двенадцать невыученных уроков. СПб., 2016.
[24] Гребенщикова Г.А. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 6.
[25] См.: Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3.
[26] Черкасов П.П. Указ.соч. С. 55.
[27] Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 36.
[28] Черкасов П.П. Указ.соч. С. 56.
[29] Каменский А.Б. Указ.соч. С. 265.
[30] Гендель Г.М. Позиция Пруссии. С. 125.

Социально-экономическая составляющая причин противостояния России и Турции – основополагающий фактор работ советских историков, которые указывали и на еще одну причину войны 1768–1774 гг. – угрозу со стороны Крымского хана, что ставило задачу ликвидировать очаг опасности[31], об этом же свидетельствовало и содержание переписки Екатерины II[32]. Но при анализе российской позиции не стоит игнорировать и позицию Турции, желания которой заключались в расширении владений на Кавказе и Северном Причерноморье, присоединении Подолии и Волыни, возможность установления протектората над Польшей[33].

Отечественные исследователи считают, что война за «австрийское наследство» (1740–1748 гг.), Семилетняя война 1756–1763 гг., которые были вызваны политическим и социально-экономическим противостоянием Великобритании и Франции, - это этапы военного конфликта, получившего развитие в войне 1768–1774 гг. Причем, сталкивая между собой Россию и Турцию, французская и британская дипломатии стремились не допустить укрепления ни одной из противостоящих сторон.

Суммируя позиции историков в вопросе особенностей европейской действительности в 1760-х гг., подтвердим, что главенствующим фактором развязывания войны 1768–1774 гг. в научной литературе остается столкновение мировых держав.

Во втором параграфе **«Дипломатия и причины войны 1768-1774 гг. в трудах отечественных историков»** рассматривается представленный в исследованиях анализ особенностей деятельности внешнеполитических ведомств мировых держав накануне войны.

Отечественные исследователи едины в том, что военным действиям предшествовала дипломатическая кампания, в т.ч. и со стороны стран, которые в войне не участвовали, но рассчитывали на политические дивиденды[34]. Ф.Ф.Веселаго высказал мнение о том, что война 1768–1774 гг. стала неизбежной с момента объявления о создании в 1762–1763 гг. т.н. «Северной системы» – союза России, Пруссии, Дании - в противовес Франции и Испании. Однако убедительных аргументов в обосновании своей позиции автор не привел[35]. Е.И.Дружинина повторила гипотезу Ф.Ф.Веселаго[36], но также без каких-либо обосновывающих аргументов. По мнению П.А.Александрова, «Северная система» – союз некатолических стран против католических – прекрасно вписывался в схему политических «конъюнктур» того времени[37].

Исследователи особое внимание уделяли позиции Франции. Французская дипломатия считала Россию опаснее Англии[38]. Историками было доказано, что Франция поддерживала польских конфедератов в их противостоянии с российскими властями, подыскивая полякам союзников, которые готовы были открыть против России новый фронт. П.П.Черкасов считал, что Франция еще со «времен Франциска I и кардинала Ришелье» поддерживала Швецию и Турцию, которые воспринимались «историческими»

---

[31] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 460.
[32] Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1793. Т. 87. С. 114.
[33] Петров А.Н. Указ.соч. Т. 1. С. 56-62.
[34] Лебедев П. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1865; Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929; Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М.Обресков (XVIII в.) // ИЗ. 1952. Т. 40.
[35] Веселаго Ф.Ф. Краткая история Русского Флота. М-Л., 1939. С. 93.
[36] Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). С. 87.
[37] Александров П.А. Северная система. Опыт исследования идей и хода внешней политики России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. М., 1914. С. 18–19.
[38] Дружинина Е.И. Указ .соч. С. 71.

противниками России[39]. Во многом позиция П.П.Черкасова пересекается с мнением историков 1940-х и 1950-х гг.: Франция всеми доступными способами подстрекала Турцию к конфронтации с Россией и действительно явилась главной виновницей войны[40].

При анализе деятельности дипломатического корпуса европейских стран важно обратиться к позиции Австрии, которая относилась к внешней политике России настороженно и стремилась вести двойную игру: не препятствовала возможному вооруженному конфликту между Россией и Турцией, но рассчитывала получить дивиденды[41]. Австрийский двор, как считали исследователи, рассчитывал, что война заставит Россию вернуться к союзу с Австрией, разрушенному после окончания Семилетней войны[42]. Историки указывали на еще одну страну, рассчитывавшую получить выгоду от намечавшегося вооруженного конфликта Турции с Россией – на Пруссию. Л.Г.Бескровный отмечал, что после Семилетней войны прусский король Фридрих II искал союза с Россией, рассчитывая не только восстановить политическое «величие» своего государства, но и заполучить ряд польских территорий[43]. Оставались еще Дания и Англия, от действий которых зависело очень многое. В «Северной системе» важность Дании определялась тем, что она контролировала Балтийские проливы[44]. После начала военных действий 1768–1774 гг., и это подчеркивается исследователями, в Копенгагене заявили, что будут придерживаться договора с Россией от 1768 г. Что касается позиции Англии, то в работах историков нет четкости и ясности[45]. Бесспорно только одно: во время Семилетней войны Англия поддерживала Пруссию, а после вернулась к политике континентального нейтралитета (что помогло России в 1768–1774 гг.).

Практически каждая из европейских стран вела двойную политическую игру, могла в любой момент трансформироваться из союзника в противника и – наоборот, что обосновывается результатами исследований последних лет и подкрепляется документальными свидетельствами[46].

Во второй главе «**Особенности военных действий в оценках отечественной историографии»** представлены обобщения и выводы историков по узловым проблемам всего хода войны 1768–1774 гг.

В первом параграфе «**Дискуссионные вопросы начального этапа русско-турецкой войны (1768–1769 гг.)»** анализируются те основные моменты первых месяцев боевых действий, которые остаются в центре внимания исследователей. Вводимый историками в научный оборот документальный материал[47], дает возможность серьезной корректировки подходов к рассматриваемым вопросам, выдвижения новых гипотез. В центре внимания оставалось, в частности, начало деятельности созданного Совета для

---

[39] Черкасов П.П. Указ.соч. С. 50.
[40] Гендель Г.М. Австрийская дипломатия. С. 188; Его же. Позиция Пруссии. С. 127.
[41] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 461.
[42] Гендель Г.М. Австрийская дипломатия. С. 190.
[43] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 461.
[44] Гаврюшкин А.В. Указ.соч. // URL: https://www.litmir.me
[45] Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война [1768–1774 г.] // Труды МГИАИ. М., 1967. Т. 23. С. 159–190.
[46] См.: Александров П.А. Указ. соч. С. 19.
[47] См.: Федюнина Т.Н. Письма Екатерины II графу А.Г.Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Известия ВГПУ. Воронеж, 2018. № 4 (281).

обсуждения и согласования всех вопросов, связанных с ведением войны, который, приняв ряд манифестов и циркуляров, приступил к разработке плана военных действий[48].

По мнению А.Н.Петрова, первоначальный план военной кампании, который строился на расчетах Военной коллегии и рекомендациях самой Екатерины II, был неопределенным в целях и задачах и подразумевал выстраивание пассивной обороны, с помощью которой рассчитывали не допустить прорыва противника в южные районы России[49]. Е.Аренс и Ф.Ф.Веселаго считали, что изначально предполагалось вести войну наступательно[50]. Л.Г.Бескровный – что Совет не считался ни со сложившейся обстановкой, ни с рекомендациями военачальников[51]. А.В.Гаврюшкин – что Советом было принято решение о том, что военные действия должны быть наступательными[52]. Опубликованные источники дают возможность, правда, косвенно, говорить о том, что единство проявилось в одном – нельзя допустить объединения турецких войск и конфедератов и не дать возможности противнику совершать рейды вглубь России, развернув боевые действия на территории врага[53].

Остается дискуссионным вопрос о степени готовности русской армии к войне. Исследователи, считая, что Семилетняя война предоставила русской армии возможность продемонстрировать свой боевой потенциал, отмечают, однако, что к началу войны 1768–1774 гг. вооруженные силы пополнились большим количеством необученных рекрутов. Не все офицеры младшего и среднего звена успели прибыть в свои части и подразделения к началу боевых действий, – и на этом акцентируют внимание исследователи[54]. Это сказалось на боеспособности действующей армии в начале войны[55]. Н.В.Новиков отмечал, что объявление Турцией войны России не было неожиданным, но российская сторона к противостоянию готова не была. Начавшаяся война «обещала быть» долгой, а условия для ее ведения складывались для русской армии не очень благоприятно. Это – мнение историка XIX – начал XX вв.[56]. И в работах конца XX – начала XXI вв. от подобных оценок не отказались. Исключение составляла позиция Г.А.Санина, который, правда, с оговорками, но был уверен в том, что война 1768–1774 гг. была одной из немногих, к которой Россия была более или менее готова[57]. Но и турецкая армия не отличалась готовностью к боевым действиям, хотя и превосходила по численности своего противника. По данным А.Н.Петрова, общая численность войск Турции должна была составлять 600 тысяч человек[58]. Ю.Р.Клокман, считая, что эти данные, скорее всего, недостоверны, указывал, что русская армия уступала по численности противнику более

---

[48] См.: Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 1, 2; Бескровный Л.Г. Указ. соч.; Гаврюшкин А.В. Указ. соч. // URL: https://www.litmir.me

[49] См.: Петров А.Н. Указ.соч. Т. 2.

[50] Аренс Е. Указ.соч. С. 183; Веселаго Ф.Ф. Указ.соч. С. 94.

[51] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 466.

[52] Гаврюшкин А.В. Указ.соч. // URL: https://www.litmir.me

[53] Фельдмаршал Румянцев. Документы. Письма. Воспоминания. М., 2001. С. 136–138.

[54] См.: Белова Е.В. Деятельность П.А. Румянцева по укреплению российских позиций на Украине и в Молдавии в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // КЛИО. 2016. № 9 (117). С. 189-195.

[55] Масловский Д.Ф. Ларго-Кагульская операция графа П.А.Румянцева // Военный сборник. 1893. № 8. С. 191.

[56] Лефорт А.А. Указ.соч. С. 1-2; Новиков Н.В. Указ.соч. С. 45.

[57] Санин Г.А. Проблема Проливов в годы русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) // Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 53.

[58] Петров А.Н. Указ.соч. Т. 1. С. 108.

чем в два раза[59]. Л.Г.Бескровный отмечал, что П.А.Румянцев допускал четырехкратное превышение численности турецких войск над русскими[60].

Л.Г.Бескровный акцентировал внимание на технической оснащенности и «моральном духе» турецкой армии. Турция не располагала регулярной армией. Кадровыми частями можно было считать только корпус янычар (70–80 тысяч). Ополчение, созывавшееся на случай войны, не имело ни боевого опыта, ни желания воевать[61]. Турецкая армия не была знакома ни с линейной тактикой, ни с регулярным строем, пехота по численности уступала коннице, артиллерийский парк не отвечал новейшим требованиям[62]. Историки отмечают большой, до 250 вымпелов, турецкий флот[63]. Но личный состав флота не имел ни достаточной подготовки, ни боевого опыта. Исследователи также предлагали учитывать, что еще с начала XVIII в. Турция находилась в стадии перманентного кризиса, который сказывался и на вооруженных силах[64].

М.И.Богданович отмечал, что Екатерина II, считая, что турки еще не были готовы к войне и не могут начать действия ранее весны 1769 г., воспользовалась временем для усиления войск в Польше[65]. Но военные действия начались набегом крымских татар уже в ноябре 1768 г. [66] В результате была опустошена территория до Бахмута на востоке и Елисаветграда на западе. Но несогласованность действий и стратегические просчеты турецкого командования явились причиной того, что турецкая армия, по сути, отказалась от наступательных действий. Ошибки стратегического планирования были свойственны и российской стороне, что и проявилось на Грузинском театре военных действий[67].

Огромное количество работ историков было посвящено действиям в 1768–1774 гг. русского флота, в первую очередь – к «Архипелагской экспедиции». Исследователи считают, что предложенная Г.Г.Орловым «Экспедиция» могла (и должна была) стать одним из театров военных действий. Расчет делали и на организацию антитурецкого выступления балканских народов, которое могло бы отвлечь на себя часть турецкой армии, нарушить ее снабжение, заставить турецкий флот уйти из Черного моря[68]. Исследователи, правда, не затрагивали вопрос о том, а был ли готов русский флот? Екатерина II, посетив в 1765 г. корабли Балтийского флота, считала, что последний более напоминает рыболовную флотилию[69]. Подобная оценка приводится лишь в дореволюционной историографии[70], в советской и постсоветской – не повторялась.

Оценивая боевые действия 1768–1769 г., Л.Г.Бескровный и Ю.Р.Клокман подчеркивали, что кампания протекала вяло и не принесла существенных результатов

---

[59] Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 142.
[60] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 467.
[61] Лефорт А.А. Указ.соч. С. 38.
[62] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 464.
[63] Смирнов А.А. Первая попытка создания линейного флота на Черном море 1768–1771 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1988. № 6. С. 56.
[64] Каменев Ю.А. К истории реформ в османской армии в XVIII в. // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 140.
[65] Богданович М.И. Русская армия в век Екатерины Великой // Военный сборник. 1873. № 12. С. 196.
[66] Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым. С. 144.
[67] См.: Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М., 2016.
[68] Дмитриев С.С. Указ.соч. С. 10.
[69] Соколов А.П. Указ.соч. С. 235.
[70] Аренс Е. Указ.соч. С. 189.

России[71]. По нашему мнению, она была выиграна русской армией, которая сумела не только прикрыть южные границы на всем их протяжении от Азовского моря до Польши, но и полностью сорвать план наступления противника.

Во втором параграфе «**Исследовательские оценки военных действий в 1770-1774 гг.»** диссертант постарался выявить и сопоставить то главное, что – по мнению представителей отечественной историографии[72] – привнесли основные события войны и в историю Россию, и в теорию военного искусства.

Согласно утверждению Л.Г.Бескровного, в сражении у Рябой могилы русскими было продемонстрировано превосходство ведения боя расчлененными порядками. А согласование – по времени и рубежам – действий частей и подразделений дало возможность наносить общий удар. Получили оправдание и ночные атаки[73]. В битве у Ларги применение полковых и дивизионных каре дали возможность удачно маневрировать в бою, что повысило их активность. Артиллерия, действуя в боевых порядках и на коротких дистанциях, прикрывала каре, защищая их от огня противника[74]. В битве при Кагуле маневры артиллерии и взаимодействие родов войск создали все условия для победы[75]. Однако турок не стоило считать слабым противником, – на что обращала внимание Г.А.Гребенщикова[76]. Это же подтверждает и «Мнение» П.А.Румянцева[77].

В исследованиях внимание акцентируется и на анализе действий русских войск в Крыму в 1771 г. Точка зрения дореволюционных исследователей сводилась к тому, что набеги крымских татар, которых поддерживала Турция, наносили огромный ущерб южным районам России. Для ликвидации этой опасности требовалось применение самых решительных мер[78]. Иного подхода придерживался ученик М.Н.Покровского А.Е.Мачанов, который считал, что, не достигнув результатов в отношении Крымского ханства путем «мирных» переговоров, «господствующая» в России «общественная группа» подталкивала Екатерину II к использованию вооруженных сил[79]. Действующему в Крыму корпусу В.М.Долгорукого удалось взять под контроль всю территорию ханства.

В исследованиях нет разбора причин подписания 19 мая 1772 г. перемирия, благодаря чему удалось приостановить боевые действия на русско-турецком фронте. По мнению А.Н.Петрова, конвенция о перемирии отражала реальную ситуацию, сложившуюся на фронтах[80]. Диссертант, суммируя выводы исследователей о переговорах 1772 г. между Россией и Турцией и заключении перемирия, отмечает те факты, которые историками не воспринимаются всерьез: осенью 1772 г. международное положение России ухудшилось; напряженной оставалась и внутренняя ситуация: в ряде губерний произошли крестьянские восстания.

По мнению П.П.Черкасова, итоги 1773 г. могли быть успешными для русской армии, но внутренние обстоятельства свели военные достижения к скромным

---

[71] Клокман Ю.Р. Фельдмаршал П.А.Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. С. 73.
[72] Дмитриев С.С. Указ.соч.. С. 41.
[73] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 476.
[74] Фельдмаршал Румянцев. С. 108–112.
[75] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 479, 483.
[76] Гребенщикова Г.А. Указ.соч. С. 7, 14.
[77] Фельдмаршал Румянцев. С. 47.
[78] Бокк А. Вспоминание о князе В.М.Долгорукове-Крымском. М., 1855. С. 9.
[79] Мачанов А.Е. Указ.соч. С. 47.
[80] См.: Петров А.Н. Указ.соч. Т. 4.

результатам. Русскому командованию, для борьбы с «Пугачевщиной», пришлось перебрасывать с театра военных действий регулярные части[81]. Ю.Р.Клокман считал, что кампанию 1773 г. военное командование вынуждено было проводить по навязанному Екатериной II плану, который не отвечал стратегической обстановке, но что П.А.Румянцев и в рамках «Петербургских военных схем» проявил себя, как блестящий тактик[82]. Л.Г.Бескровный считал стратегическим итогом 1773 г. то, что русская армия удержала левый берег Дуная[83]. Важны позиции исследователей и в вопросе продолжения войны в условиях истощения сил противоборствующих сторон (1774 г.). А.Н.Петров фиксировал, что сокрушительные поражения поставили турецкую армию на грань полного разгрома[84]. Но в критическом положении находилась и русская армия. Складывалась патовая ситуация[85].

В главе 3 «Мирные переговоры в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и ее итоги: основные тенденции научной литературы» основное внимание уделено представленным в научной литературе особенностям процесса выработки мирного договора.

В первом параграфе «Отечественная историография о поиске путей мирного урегулирования (1769–1774 гг.)» рассматривается гипотеза, согласно которой для исследователей оставалось бесспорным утверждение о том, что Россия стремилась покончить с войной как можно скорее[86]. Как отмечал А.В.Гаврюшкин, уже осенью 1769 г. глава внешнеполитического ведомства России вел переговоры с представителями Крымского хана, убеждая их разорвать союз с Константинополем[87].

Мирные переговоры между Турцией и Россией, шедшие в 1770 г. закончились безрезультатно; причина, как считали историки – противодействие Франции[88]. Л.Г.Бескровный, Э.Г.Джахиева и Е.П.Кирьякова отмечали, что переговоры ни к чему не привели, т.к. Турция настаивала на посредничестве Австрии и Пруссии, но для России это было неприемлемо[89].

Э.Г.Джахиева указывала на то, что в начале марта 1772 г. Константинополь напрямую обратился к Петербургу с предложением начать мирные переговоры. Они начались 13 мая 1772 г. (крепость Журжа). В течение почти двух недель шло согласование условий перемирия, которое вступило в силу 20 июля[90]. Проведение самих переговоров было перенесено в Фокшаны. Российскую сторону представляли Г.Г.Орлов и А.М.Обресков. По мнению А.В.Гаврюшкина, назначение руководителем делегации Г.Г.Орлова предопределило неудачу переговоров, т.к. он начал их исходя из собственного видения ситуации[91]. По мнению Е.И.Дружининой, Г.Г.Орлов считал, что возможно решить поставленные задачи без учета реальной обстановки и обстоятельств. Перемирие

---

[81] Черкасов П.П. Указ.соч. С. 69.
[82] Клокман Ю.Р. Указ.соч. С. 152.
[83] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 502.
[84] См.: Петров А.Н. Указ.соч.
[85] Новичев А.Д. Указ соч. С. 80, 82–83, 85–86.
[86] Гаврюшкин А.В. Указ.соч. // URL: https://www.litmir.me
[87] Там же.
[88] Черкасов П.П. Указ.соч. С. 65.
[89] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 487-488; Джахиева Э.Г. Указ.соч. С. 19; Кирьякова Е.П. Дипломатическая деятельность П.А.Румянцева в период русско-турецкой войны 1768–1774 годов // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1997. № 1. С. 27–28.
[90] Джахиева Э.Г. Указ.соч. С. 21.
[91] Гаврюшкин А.В. Указ.соч. // URL: https://www.litmir.me

он рассматривал, как время для перегруппировки сил. А.М.Обресков же настраивался на длительный переговорный процесс[92]. У исследователей нет единства в оценке Фокшанского конгресса. А.В.Гаврюшкин считал, что конгресс закончился провалом[93]. По мнению В.Н.Виноградова и В.И.Шеремета, ждать какого-то прорыва было неразумно[94].

Е.И.Дружинина указывала на то, что очередной переговорный - Бухарестский - раунд А.М.Обресков начал с обсуждения второстепенных вопросов, чем хотел предотвратить возможное прекращение встречи. Он ждал сообщений о подписании договора о мире между Россией и Крымским ханством. Это сообщение, по мнению Е.И.Дружининой, должно было облегчить решение поставленных задач. Но переговоры зашли в тупик после выдвижения требований признания независимости Крымского ханства от Турции. Однако переговоры не прервались, решено было запросить новые инструкции у русского и турецкого правительств. Но и ожидание русский дипломат использовал для согласования статей будущего мирного договора[95]. У Г.М.Генделя мы найдем дополнение к сказанному Е.И.Дружининой: согласившись на инвеституру Крымского хана султаном, Россия потребовала реального залога, обеспечивающего независимость Крыма – уступки Керчи и Еникале[96]. А.В.Гаврюшкин указывал на то, что турки стали менее сговорчивыми, но А.М.Обрескову удалось согласовать десять статей, которые вошли затем в Кючук-Кайнарджийский договор[97].

Каждый из этапов переговорного процесса важен по своему: шла выработка единой позиции, сопоставлялись и сравнивались позиции как воюющих стран, так и тех государств, от деятельности которых во многом зависела политическая ситуации.

В исследованиях анализировались события, происходившие после смерти султана Мустафы III. Его приемников считали склонными к мирному урегулированию. Как подчеркивают историки, турецкая армия и флот были практически деморализованы, в Турции ощущалась нехватка продовольствия, росло число недовольных, на окраинах империи разрастались сепаратистские настроения[98]. Новый султан принял решение возобновить переговорный процесс, передав вопрос заключения мира армейскому командованию. Подобное решение было принято и российской стороной: переговорный процесс был передан П.А.Румянцеву. Переговоры лета 1774 г., как отмечают исследователи, могли вновь свернуться, едва начавшись, т.к. П.А.Румянцев соглашался продолжить их только на основе 10 пунктов, которые обсуждались в Бухаресте[99]. Турецкая сторона потребовала предоставить ей время для обдумывания русских предложений. П.А.Румянцев отдал приказ возобновить боевые действия[100]. Л.Г.Бескровный считал, что это был единственный способ заставить турок вернуться за стол переговоров[101], что и произошло.

---

[92] Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). С. 181.
[93] Гаврюшкин А.В. Указ.соч. // URL: https://www.litmir.me
[94] См.: Виноградов В.Н. Кючук-Кайнарджийский мир – окно на Балканы // Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.
[95] Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М.Обресков. С. 272.
[96] Гендель Г.М. Австрийская дипломатия. С. 213.
[97] Гаврюшкин А.В. Указ.соч. // URL: https://www.litmir.me
[98] Каменев Ю.А. Указ.соч. С. 140.
[99] Фельдмаршал Румянцев. Сб. документов и материалов. М., 1947. С. 245, 247; П.А.Румянцев. Документы. Т. II. 1768–1775. М., 1953. С. 697, 765–769.
[100] Фельдмаршал Румянцев. С. 247.
[101] Бескровный Л.Г. Указ.соч. С. 503-504.

Во втором параграфе «**Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. и итоги войны: научные суждения и дискуссии»** сопоставлены мнения исследователей по данному аспекту вообще и по судьбе Крыма в частности. А.Е.Мачанов (1920-е гг.) замечал, что за турецким султаном, после утери Крыма и заключения мира 1774 г., оставался бы только религиозный авторитет, а отношения с Россией в дальнейшем были мирными только формально[102]. С.В.Бахрушин (1936 г.) считал, что в Крыму даже после Кючук-Кайнарджийского трактата складывалась непростая социально-политическая ситуация[103]. Б.А.Дранов (1948 г.), был убежден в том, что независимость Крыма после договора 1774 г. – единственно оправданный выход[104]. В.Г.Тартарашвили (1970 г.) отмечал, что противники независимости Крыма пытались противостоять вплоть до ратификации Кючук-Кайнарджийского договора (январь 1775 г.)[105]. Исследователи 1980-х гг. указывали на то, что европейские дипломаты понимали: «независимость» Крыма – явление временное, а Кючук-Кайнарджийский договор не дал России того, на что она рассчитывала в ходе войны, но, безусловно, это был ее впечатляющий успех[106]. Л.В.Зеленина и В.И.Шеремет (2000 г.) оценивали Кючук-Кайнарджийский трактат, как основу для мирных договоров, заключенных между Россией и Турцией в последующее время[107]. Э.Г.Джахиева, отмечала, что при анализе Кючук-Кайнарджийского договора проявляется его «неравноправный характер», т.к. Россия руководствовалась «правом завоевания»[108]. Данный критический подход в оценках договора 1774 г. – исключение из правил. Для подавляющего большинства исследователей вывод о важности трактата 1774 г. для России XVIII в. бесспорен[109]. Но в дореволюционной историографии не поднимался вопрос о возможных последствиях этого договора в будущем. Первым на то, что в Турции Кючук-Кайнарджийский договор рассматривали исключительно как перемирие, указал Е.В.Тарле[110]. В 1990-е гг. историки заявили о том, что для дипломатов XVIII в. было понятным – договор 1774 г. не будет долгим и прочным, поскольку и Турция, и Россия рассчитывали пересмотреть его основные положения[111].

В **заключении** представлены выводы и результаты исследования, практическая значимость работы, рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы. Отечественная историография войны 1768-1774 гг. характеризуется отсутствием общей научно-исследовательской традиции. Хотя преемственность историографических этапов отрицать нет оснований. Но преемственность – и прямая и опосредованная – во многом зависима от государственной идеологии и политической конъюнктуры. Авторский подход к периодизации историографии войны 1768-1774 гг. доказывает, что при выделении трех этапов, каждый из них обосновано подразделяется еще и на исследовательские стадии. Наличие последних было предопределено не только важнейшими изменениями,

---

[102] Мачанов А.Е. Указ.соч. С. 53.
[103] Бахрушин С. В. Указ.соч. С. 29-61.
[104] Дранов Б.А. Черноморские проливы. М., 1948. С. 58.
[105] Тартарашвили В.Г. Дипломатическая борьба между Россией и Турцией вокруг Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774–1779 годах: автореф. дисс. …к.и.н. Тбилиси, 1970. С. 7.
[106] Гаврюшкин А.В. Указ.соч. // URL: https://www.litmir.me
[107] Зеленина Л.В., Шеремет В. И. Указ.соч. С. 114.
[108] Джахиева Э.Г. Указ.соч. С. 17.
[109] Клокман Ю.Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым. С. 144; Маркова О.П. Указ.соч. С. 122.
[110] Тарле Е.В. Указ.соч. Ч. 2. С. 46.
[111] Якушев М.М. Указ.соч. С. 42–49.

происходящими в исследовательской среде, но и воздействием социально-политической обстановки, задачами, стоящими перед российской государственной элитой.

Практическая значимость данной диссертации заключается в том, что обобщения, выводы и рекомендации могут оказать известное влияние на дальнейшее изучение и различных аспектов истории войны 1768-1774 гг. в частности, и истории России в целом. Немаловажное значение получает предпринятый в диссертации научный анализ истории войны 1768-1774 гг., который может послужить основой для разработки оригинальных подходов к организации патриотического воспитания. Выводы и рекомендации диссертанта могут использоваться в учебном процессе, при разработке лекционных курсов по истории России, военной истории и истории дипломатии, и при подготовке научных публикаций.

Предлагаемые диссертантом научно-практические рекомендации и выдвигаемые перспективы сводятся к следующему:

Предпринятое диссертантом историографическое исследование свидетельствует об отсутствии до настоящего времени всеобъемлющей и объективной истории русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Целесообразным, т.о., представляется подготовка обобщающей монографии, освещающей генезис событий 1768-1774 гг. с позиции современной методологии научных исследований и с учетом всего комплекса выявленных первоисточников, в том числе и зарубежных.

Эволюция отечественной историографии ставит вопрос о переиздании ряда монографий и сборников документов с учетом устранения археографических недостатков и дополнения ранее непубликовавшихся первоисточников.

Для дальнейшего изучения истории русско-турецкой войны 1768-1774 гг. следует продолжить разработку ее малоисследованных аспектов, таких, как, например, планирование военных действий, обеспечение русской армии и ряд других. Историографический анализ может быть применен в отношении научных биографий исследователей войны 1768-1774 гг. – А.Н.Петрова, М.И.Богдановича, Л.Г.Бескровного.

Научному анализу могут быть подвергнуты зарубежные издания. Работа в этом направлении имеет практическую значимость, как для критики подходов и оценок зарубежной историографии, так и в интересах эволюции отечественной историографии.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные в периодических научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной Министерством науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Миловский, Н.М.* Современные российские исследования о последствиях Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1-2 (январь). С. 21–25 (0,5 п.л.).
2. *Миловский, Н.М.* О недостаточно исследованных предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 80–91 (1 п.л.).
3. *Миловский, Н.М.* Трактовка причин русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в российской историографии // Преподавание истории в школе. 2022. № 2. С. 81–83 (0,3 п.л.).
4. *Миловский, Н.М.* «Северная система» как вектор внешней политики России в 1764–1774 гг. в трудах отечественных исследователей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 104–112. (0,75 п.л.)